

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-532-540

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ФОНОВЫХ ПРАКТИК

Панасенко Юрий Александрович

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске*

В работе рассмотрены феномены «вписанности» и «подручности» в окружающем «жизненном мире». Автор опирается на такие базисные определения «жизненного мира», как мир естественной установки сознания, совокупная характеристика бытия индивида. Материалом исследования стал жизненный мир воинской службы. В исследовании выделены три социальных уровня общения военнослужащих с увязкой данного процесса с фоновыми практиками. Описан процесс феноменологического конституирования интерсубъективного жизненного мира воинской службы, исходящий из трех базисных определений жизненного мира. Это позволяет увидеть новые аспекты культуры воинской службы в контексте такой важнейшей концептуальной инновации социальной феноменологии, какой является понятие интерсубъективности. В контексте понятия интерсубъективности рассмотрено понятие интенциональности. В рамках социальной феноменологии представлен коммуникативно-смысловой подход к анализу социального мира, особое внимание обращается на характерные черты предметности и интенциональности. Конституирование «жизненного мира» воинской службы проводится с учетом трех главных факторов: системности, устойчивой цепочки базовых ценностей, диахронно-синхроническим поддержанием базовых ценностей. Определены ценностные установки, обеспечивающие поддержание целостной структуры «жизненного мира» воинской службы. Рассмотрена связь феномена «культура воинской службы» с культурой и профессией.

Ключевые слова: феноменология, конституирование, интерсубъективность, жизненный мир, воинская служба, интенциональность, предметность, «вписанность», «подручность», фоновые практики.

PHENOMENOLOGICAL DESIGNING OF INTERSUBJECTIVE LIFEWORLD OF MILITARY SERVICE IN THE CONTEXT OF BACKGROUND PRACTICES

Yuriy A. Panasenko

*Branch of Military Training Scientific Center of Military Air Forces «Military Air Academy
named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» in Chelyabinsk*

The paper examines the phenomena of «inscription» and «readiness-to-hand» in the «lifeworld». The author uses the basic definition of the «lifeworld» as the world of the natural attitude of consciousness, the cumulative characteristic of the individual's being. The material of the research is the lifeworld of military service. Three social levels of military communication are identified and linked with background practices. The process of the phenomenological designing of the intersubjective lifeworld of military service, emanating from the three basic definitions of the lifeworld, is described. It is possible to perceive new aspects of the culture of military service in the context of intersubjectivity as the most important conceptual innovation of social phenomenology. The concept of intentionality is considered in relation to the concept of intersubjectivity. The communicative-semantic approach to the analysis of the social world within the framework of social phenomenology is presented. Special attention is paid to characteristic

features of objectivity and intentionality. The designing of the lifeworld of military service is performed with three main factors, such as consistency, a stable chain of basic values, and diachronic-synchronous maintenance of basic values, being considered. The values employed to sustain the integral structure of the lifeworld of military service have been determined. The connection between the phenomenon «culture of military service» and culture and profession is analyzed.

Keywords: phenomenology, institutionalization, intersubjectivity, lifeworld, military service, intentionality, objectivity, «inscription», «readiness-to-hand», background practices.

Феномены повседневной жизни: вписанность и подручность

Э. Гуссерль в «Избранных работах» ввел такое философское понятие, как жизненный мир, которое мы будем использовать в нашей работе в качестве опорного концептуального средства [Гуссерль Э., 2005]. В процессе дальнейшего исследования будем обращаться и к такому понятию, как «установка». Э. Гуссерль в работе «Логические исследования» дает следующее определение этого понятия: «...привычно устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и усилий творчества, общий стиль которого тем самым также предопределен. В этом пребывающем стиле как в нормальной форме разворачивается любая определенная жизнь» [Гуссерль Э., 2000, с. 640–642]. Задачей исследования является описание структуры реальности нерелексирующего, вписанного в свой обыденный мир человека. При этом необходимо отбросить наши готовые интерпретации того, что происходит, и внимательно посмотреть, что явилось нам. Обратимся к примерам. Когда человек что-либо пишет, он не обращает внимания на шариковую ручку и не придает ей значение, так как она не является темой повседневных забот. Когда заканчиваются чернила и ручка перестает писать, она становится объектом рассмотрения для нашего сознания. Она нам дана «не тематически», т.е. в процессе деятельности мы ее не замечаем. Таким образом, в обыденной ситуации, когда все работает так, как надо, мы не строим планы, как мы будем двигать рукой и как исполнять задачу по написанию документа. Закручивая шурупы, мы меньше всего смотрим на отвертку, и наш практическое умение тем лучше, чем меньше есть в нем разглядывания. Это состояние является незаметной, но очень важной практически вписанной в нашу жизнь подручностью. Эта подручность незаметна, так как она всегда под рукой — если можно так сказать: она «приручена» и ра-

ботает оптимально. Следовательно, можно отметить, что многие феномены, которые вписаны в «жизненный мир» воинской службы, настолько распространены и непроблематичны, что мы их просто не можем заметить.

В исследовании обратимся к практикам, когда личность еще не открылась миру, а есть простая вписанность в повседневную жизнь, где мир является человеку за счет нарушения обыденных операций с подручным. В таких простых ситуациях мир является нам вместе с выступанием чего-либо напоказ, налицо — так, что выступающее требует внимания и решения. В большинстве ситуаций в таком мире военнослужащий действует не как уникальный индивид: он живет в соответствии с утвержденным распорядком, как принято, как установлено старшим начальником. Но вдруг человеку начинает чего-то не хватать в этом типе бытия, он выходит за рамки уставов, инструкций и указаний, однако наша задача исследовать самый массовый способ жизни до того, как человек встал на путь девиантного поведения.

Феноменология «жизненного мира» воинской службы

Воинская служба рассматривается нами в различных аспектах: установка сознания на защиту Отчизны и служение ей, личностная социально-профессиональная характеристика, явление и признак государства, модель санкционированного со стороны общества поведения личности, социальный институт, интегрирующая общество система, вид социальной ответственности, жизненная позиция, продукт системы образования и воспитания, компонент культуры и т.п.

Однако какой бы аспект воинской службы мы ни взяли, она изначально социальна по своей природе, потому что представляет собой результат деятельности человека в ее общественно-историческом развитии. В рамках этой деятельности происходит взаимодействие людей,

социальных групп и институтов; кроме того, она образует самостоятельный социальный институт, на который в значительной степени воздействуют процессы, происходящие в обществе, формирующие устойчивые обратные связи и смысловые цепочки.

В работе мы опираемся на базисные определения «жизненного мира», которые заключаются в том, что «жизненный мир»:

- повседневный мир человека, где человек живет и реализует свои устремления и планы;
- совокупная характеристика бытия индивида и его поведения в обществе в культурно обусловленной ситуации;
- методы и средства, при помощи которых индивид имеет возможность разбираться, ориентироваться и делать выводы в создавшейся жизненной ситуации, ставить перед собой цели, строить жизненные планы и достигать этих целей с помощью имеющегося запаса знаний и умений.

Ценностное конституирование любого общества основывается на универсальных законах существования и самоорганизации «жизненного мира». В кризисной для общества ситуации данные ценностные установки выходят на первый план и могут быть исследованы непосредственно, а не опосредованно через мифологемы и идеологемы предыдущего исторического времени. Конституирование «жизненного мира» человека осуществляется с помощью ценностей, влияющих на поведение и проявляющихся в нем. Общеизвестно, что каждый индивид решает для себя, как построить свою жизнь, чем ее наполнить, что оставить потомкам. Однако универсальное правило заключается в том, что смысл жизни состоит в реализации себя как личности, профессионала и в той пользе, которую человек приносит обществу и себе. Человек в качестве социального индивида является творением культуры. Согласно В.С. Степину, «усвоение накопленного культурой социального опыта связано со сложной состыковкой биологических программ, характеризующих индивидуальную наследственность человека, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода его социальную наследственность. Благодаря усвоению этих программ человек способен изобретать новые нормы, идеи, верования и т.д., которые призваны соот-

ветствовать социальным потребностям» [Степин В.С., 1992].

Рассмотрим такое понятие, как интерсубъективность «жизненного мира», означающее, что индивидуальные восприятия различных жизненных обстоятельств соединяются в общее представление об окружающем мире. Данный факт имеет место в культурном сообществе военнослужащих. Происходит это с помощью общения, а также использования в повседневной деятельности определенных, установленных стереотипов и образцов, которые являются составными частями самоопределения этого культурного сообщества.

Общеизвестно, что главным признаком воинского труда является коллективизм, предусматривающий взаимное общение военнослужащих. Так как воинское сообщество состоит из людей разных национальностей, с различным уровнем образования, со своим мировоззрением и менталитетом, а общение носит субъект-субъектный характер, часто такие взаимосвязи носят конфликтный характер. Для решения данной проблемы современному офицеру-руководителю недостаточно применять только административные методы. Необходимо разобраться в сущности общения, его функциональной, структурной и уровневой организации. Выделим три социальных уровня общения, являющихся основанием для выработки правил и норм поведения.

Первое — общение субъектов, являющихся гражданами страны, в которой действуют нормы поведения, возведенные в ранг закона.

Второе — общение в военно-профессиональной сфере деятельности, в ходе повседневного учебно-воспитательного процесса. Поведение субъектов общения в данном случае, кроме установленных законом норм и правил, регулируется ведомственными документами: приказами, уставами, инструкциями.

Третье — уровень межличностного общения, на котором отношения субъектов общения регулируются нормами морали, нравственности и совести, не имеющими юридической силы. Данные нормы применимы ко всем участникам общения: начальникам и подчиненным, старшим и младшим, независимо от должности, стажа, знаний. Они являются основанием для общения. Военно-профессиональное общение воинов способствует наличию моральных установок, по-

этому любые деловые отношения в культурном пространстве «жизненного мира» воинской службы имеют нравственный характер.

Общение — процесс взаимодействия людей в социуме, выполняющий различные познавательные и коммуникативные функции. Общение позволяет человеку проявлять свойства личности.

На общение военнослужащих накладывает отпечаток своеобразие сложного, порой смертельно опасного воинского труда. Это является причиной того, что служебные формы общения жестко регламентируются, как в мирное, так и в военное время. Эта особенность общения имеет место в ходе повседневной деятельности начальников и подчиненных, старших и младших по званию.

Восприятие фоновых практик в условиях «жизненного мира» военнослужащего

Анализируя язык общения военнослужащих интересной представляется возможность увязывания данного процесса с идеей фоновых практик. «Наиболее важные для нас аспекты вещей, — писал Витгенштейн, — скрыты из-за своей простоты и повседневности. Их не замечают, потому что они всегда перед глазами. Подлинные основания их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор, пока это не бросится ему в глаза. Иначе говоря: то, чего мы не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [Витгенштейн Л., 1994, с. 131].

Фон не является чем-то скрытым, но в то же время он, по условию, не замечается, поскольку функционирует как условие, придающее смысловую определенность фигуре.

При широком толковании этой идеи и перенесении ее на механизмы любого, не только зрительного, смыслообразования можно представить вслед за Витгенштейном и то, что понимается под «фоном» или «задним планом» по отношению к повседневному разговору или любым другим способам производства смысла: «Как можно описать человеческое поведение? Несомненно, лишь показав все разнообразие человеческих действий в их полном смещении. Не то, что один человек делает в данный момент, а вся сумятица действий образует тот фон, на котором мы видим любое действие и

который задает наши суждения, наши понятия и наши реакции» [Wittgenstein L., 1980].

В повседневном воинском общении смысл высказываний доопределяется тем, что само в языке напрямую не представлено, но не является чем-то «потусторонним» или скрытым. Философ языка Джон Сёрль, последовательно разрабатывающий идею фоновых практик, определил их логическое место следующим образом: «Для большого числа случаев буквальный смысл предложения или выражения задает условия собственной истинности только при наличии набора фоновых допущений и практик» [Searle J., 1980]. Соответственно понимание любого, даже самого элементарного, высказывания всегда предполагает неявную отсылку к общедоступному массиву знаний о том, какова природа вещей и как «работает» данная культура. Под фоновыми практиками Сёрль подразумевает совокупность принятых в культуре традиционных способов деятельности, навыков обращения с различными предметами и т.д. [Searle J., 1983, p. 141–159].

Понятие фона привлекает наше внимание к другой стороне этой же проблемы. В контексте одной культуры, разделяемой и говорящим, и слушающим, создание предпосылок для сопоставления утверждений о вещах и самих вещей идет незаметным, но схожим образом. Наша задача — увидеть эту связь слов и вещей и сделать ее заметной для других.

Согласно гештальтпсихологии, откуда и заимствован термин «фон», фигура никогда не воспринимается сама по себе, а всегда на фоне. Передний план всегда предполагает наличествующий задний план или фон — это условие любой перцепции. В визуальном восприятии мы умеем переключать гештальт, когда переводим задний план в переднее поле своего зрения, а бывший передний план в этот момент становится незаметным фоном.

Такие разноплановые философы, как Джон Сёрль и Хьюберт Дрейфус, используют понятие фона для описания не только визуального, но и вербального восприятия. Согласно Сёрлю, например, адекватное понимание изреченного зависит от совпадения фона высказывания для говорящего и слушающего — и фон здесь понимается как «набор неинтенциональных или доинтенциональных способностей, которые позволяют функционировать интенциональным

состояниям» [Searle J., 1995]. Дрейфус интерпретирует фон как некоторый набор практик, в котором социализируются члены данной культуры, если говорящий и слушающий разделяют обыденные практики обращения с предметами и людьми, упоминаемыми в высказывании, восприятие будет адекватно, а если нет, то произойдет сбой в коммуникации [Dreyfus H., 1991, p. 57]. Эти выводы имеют важнейшее значение в сообществе военнослужащих для субъект-субъектного процесса коммуникации в ходе повседневной деятельности. От того, как будет налажено взаимодействие, в каком виде будет выступать его интерсубъективная сущность, будет зависеть и выполнение учебной или боевой задачи.

Конституирование «жизненного мира» воинской службы в контексте интерсубъективности

Как отмечает Н.М. Смирнова, «социальная феноменология ориентирована не на исследование структурно-институционального каркаса — скелета социального организма, но на его всеобщие смысловые характеристики — интерсубъективную смысловую структуру» [Смирнова Н.М., 2009, с. 11].

Мы полагаем, что в рамках социальной феноменологии действительность представляет структурообразующий мир интерсубъективных значений, которые выступают в виде обобщенных представлений о предметах и событиях мира.

В контексте понятия интерсубъективности представляет интерес такое понятие, как интенциональность, которое означает процесс направленности сознания индивида на какой-либо предмет или объект и является смыслообразующим процессом. Интенциональность — дело мышления, акт установления взаимосвязи между сознанием, языком и окружающим миром, в нашем случае есть дело конституирования личности в пространстве «жизненного мира» воинской службы. Однако мы отстаиваем принципиальную точку зрения, суть которой заключается в том, что процесс мышления не является только личностным, так как имеются факторы, влияющие на процесс интенциональности таким образом, что он принимает черты интерактивности и интерсубъективности.

Сущность первого фактора состоит в том, что повседневная деятельность индивида в культуре воинской службы — это публичная деятельность, это взаимоотношения в воинском коллективе с себе подобными, это существование с Другим.

Вторым фактором, органически связанным с первым и обуславливающим взаимодействие и взаимовлияние, является то, что инструментом мышления и деятельности выступает специфический для воинской службы смысловой язык. Отсюда вывод: истинное осознание процесса интенциональности не может быть гносеологическим или экзистенциальным, а может быть только культурно-философским.

Конституирование «жизненного мира» воинской службы обеспечивается тремя главными факторами — системностью, устойчивой цепочкой базовых ценностей, диахронно-синхроническим поддержанием базовых ценностей. Эти три фактора — три грани процесса самоорганизации «жизненного мира». Благодаря данным факторам процесс феноменологического конституирования интерсубъективного «жизненного мира» воинской службы представляет образец социальной самоорганизации, для которого характерны творческое начало, самоочищение и самообразование. Что является катализатором системности «жизненного мира» воинской службы? В качестве такого катализатора можно рассматривать то, что М.С. Каган определил в «Философской теории ценностей» как «виды универсальных нравственных ценностей», которые функционируют в любом сообществе: ценности-нормы, ценности-цели и ценности-качества [Каган М.С., 1997, с. 34–41].

Ценностные установки «жизненного мира» воинской службы

Конституирование «жизненного мира» воинской службы означает формирование определенных предпочтительных в данной среде ценностных установок. Ценностные установки обеспечивают поддержание целостной структуры «жизненного мира», дают субъекту представление о его подлинном существовании. Ценности относятся к фундаментальным основаниям любого сообщества. Ценность, даже если она и реализована, не теряет своего качества должного. Она имеет всеобщий характер для

данного «жизненного мира». Ценность проявляется в поступках субъекта. Ценность определяется значимостью того или иного объекта для субъекта и только таким субъективным образом проявляет себя, а зрелость, сформированность личности определяет устойчивость системы ценностей. В.А. Ядов в работе «Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. Социальная идентификация личности» отмечает: если учесть, что система ценностных ориентиров образует высший уровень диспозиционной системы, то она успешно преобразует витальные потребности в потребности высшего уровня — социальные потребности. Именно они обеспечивают включение личности в социальную среду, где могут быть реализованы ее ценностные установки [Ядов В.А., 1994].

Ценности выполняют важнейшие функции в жизни любого сообщества — определяют тактические и стратегические жизненные цели и мотивы деятельности, нравственные принципы поведения, моральные устои. Люди, находясь в социуме, должны соответствовать этим принципам поведения и принимать их. Это является для сообщества приоритетным, жизненно важным. Живя в обществе, нельзя быть свободным от общества, поэтому человек, попадая в сообщество, неминуемо становится объектом воспитания. Причем методы воспитания, применяемые к личности, характеризуют систему ценностей, культивируемую в данном сообществе. Так культурное пространство «жизненного мира» обеспечивает свое существование, воспроизводство и защиту.

Переоценка ценностей, характерная для любых рубежных исторических эпох, всегда бросает вызов тотальным институтам, каким является воинское сообщество, которые проходят суровую практику выживания. Мир постмодерна коренным образом изменил ценностные системы и традиции, ценностные ориентиры в силу того, что радикальную трансформацию претерпевают структуры «жизненного мира». Ценностные ориентиры, формировавшиеся на протяжении веков, в момент социальных трансформаций теряют связь с «жизненным миром» сообщества и лишаются тем самым жизненной подпитки, превращаясь в ходульные декларации, лишённые общественного доверия.

Согласно характеристикам, полученным в исследовании Л.В. Басовой «Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории», интенсивное развитие техники и технологий, повышение роли информации, возможность влияния творчества отдельной личности на культурную жизнь в целом приводят к необходимости осознания цели активной и зачастую непредсказуемой деятельности, связанной с достижением некоего сверхзначимого идеала [Басова Л.В., 2004]. Современная наука приводит к скачкообразному изменению общества в самых различных направлениях, выбор которых зависит от ценностей, определяющих существование субъекта. Переход к плюрализму в оценке реальности приводит к размыванию культурных детерминант. Феноменологический метод позволяет ответить на вопрос о том, что же все-таки сохраняет сущность и неповторимость воинской службы, несмотря на все глобальные социокультурные трансформации? Феноменология позволяет держать в фокусе внимания фундаментальные ценности личности и сообщества, которые продолжают выполнять свою культуuroобразующую функцию, несмотря на изменившуюся социально-историческую ситуацию, когда старые символические коды утратили свое прежнее значение.

Понятно, что даже в условиях провозглашенных свобод человек не может быть свободен от общества, а следовательно, он не может быть свободен от ценностных предпочтений, которые при всей своей внешней семантической изменчивости достаточно устойчивы в своих внутренних смысловых значениях и не поддаются кардинальным изменениям, например, в отношении своего эмоционального воздействия. Их значимость для человека заключается в том, что они конституируют «жизненный мир», в котором он живет. Наше феноменологическое исследование помогает понять, как исподволь происходит включение, образование и воспитание военнослужащего в условиях «жизненного мира» воинской службы. Ценностное конституирование основывается на универсальных законах существования и самоорганизации «жизненного мира». В кризисной для сообщества ситуации данные ценностные установки выходят на первый план и могут быть исследованы непосредственно, а не опосредованно через мифологемы-симулякры

предыдущего исторического времени. Конституирование «жизненного мира» человека осуществляется с помощью ценностей, влияющих на поведение и проявляющихся в нем. Общеизвестно, что каждый индивид решает для себя, как построить свою жизнь, чем ее наполнить, что оставить потомкам. Однако универсальное правило состоит в том, что смысл жизни состоит в самореализации себя как личности, профессионала, семьянина и в той пользе, которую человек приносит обществу и себе. Только в этом инкультурация обретает свой высший и подлинный смысл — превратить человека в самостоятельного организатора собственной жизни, что дает ему возможность понимать смысл жизни, иметь жизненные идеалы и видеть путь для своей самореализации в реализации этих идеалов.

Ценности — это узкий мостик, звено между культурой общества и духовным миром индивида. «Духовная жизнь не есть отражение какой-либо реальности, она есть самая реальность», — отмечает Н.А. Бердяев в своей работе «Смысл истории» [Бердяев Н. А., 1990]. Каждая личность самостоятельно определяет свое место в той специфической иерархии ценностей «жизненного мира», которая ей предписана, благодаря таким личностным качествам, о которых пишет Н.А. Бердяев, как достоинство, осмысленность, творческая деятельность, страсть, цельность, единение с божественным миром. Военская среда тоже является питательной средой и «инкубатором» этих личностных качеств.

Так, офицер, обладающий личным достоинством, способен на подвиг, благородные поступки и мужественные решения. Он анализирует поведение в обществе, соотнося свои поступки с нормами морали и нравственности, стремится избегать вредных привычек, которые могут негативно отразиться на его репутации или чести.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к российской военной истории, ритуалам и традициям вооруженных сил, духовным истокам и ценностям. Необходимо использовать этот интерес для укрепления идеологии «возрождения Российской армии». Идеология дает возможность по-новому посмотреть на события, связанные с распадом страны и армии, способствует заполнению духовного «вакуума»

в сознании военнослужащих. Это говорит о том, что такие основополагающие ценности, как долг перед Отечеством, правильное понимание воинской чести и офицерского достоинства, остались неизменными, что отмечается в работе Ю.А. Панасенко и В.С. Елагиной «Ценностный мир офицера в условиях трансформации общества». Это «...способствует поддержанию стабильности армии, воспроизводству воинских традиций, специфического статуса военного человека в обществе даже в условиях изменения общественно-экономического строя и смены политических элит» [Панасенко Ю.А., Елагина В.С., 2015].

Офицерами становятся курсанты военных вузов, в большинстве своем пришедшие в армию со школьной скамьи. Курсанты еще не сформированы как личности, поскольку их знания не увязаны в единую систему, представления о военной службе и специальности размыты, а на формируемое мировоззрение оказывает влияние окружающий социальный мир. «Жизненный мир» воинской службы сводит эти разобщенные знания и элементы мировоззрения в единую систему, конституируя особый «малый социальный мир» воинской службы. Отбрасывая все «лишнее», избыточное, культура воинской службы достигает того необходимого эффекта, когда пусть небольшое, ограниченное, но систематизированное знание или мировоззренческая система становится реальной силой, поддерживающей «жизненный мир» воинской службы, и может являться стержнем личности военнослужащего.

Для нас это концептуальное замечание очень важно, поскольку увидеть новые аспекты культуры воинской службы можно в контексте такой важнейшей концептуальной инновации социальной феноменологии, какой является понятие интересубъективности. В рамках социальной феноменологии «естественная установка сознания» не «заключается в скобки», а трансформируется в более сложное пространство интересубъективности.

В условиях транзитивности усиливается конфликтогенность социальной реальности, происходит переориентация культуры воинской службы — духовно-моральные идеалы и ценности сталкиваются с материальными интересами. Можно констатировать, что население любой страны предрасположено к защите свое-

го ареала обитания. Эта предрасположенность является константной величиной, хотя на нее влияет масса политических, экономических, психологических и, конечно же, социокультурных факторов. При всей «расколотости» России и антиномичности ее политических предпочтений, при всех противоречиях российской культуры в целом культура воинской службы в контексте интерсубъективности может опираться только на национальное самосознание.

Список литературы

Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: монография. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. ун-та, 2004. 279 с.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис, 1994. С. 74–319.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 465 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск; М.: Харвест, 2000. 752 с.

Кagan М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

Панасенко Ю.А., Елагина В.С. Ценностный мир офицера в условиях трансформации общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/1/1688.pdf> (дата обращения: 16.03.2017).

Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+: Реабилитация, 2009. 400 с.

Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992. 191 с.

Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 264–287.

Dreyfus H. Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time, Division I. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. 384 p.

Searle J. Intentionality: An Essay on the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 292 p.

Searle J. The Background of Meaning // Speech of Act of Theory and Pragmatics. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Company, 1980.

P. 221–232.

Searle J. The Construction of Social Reality. London: Allen Lane, 1995. 256 p.

Wittgenstein L. Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. 1 / ed. by G.E.M. Anscombe, G.H. von Wright. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 97 p.

Получено 29.09.2018

References

Baeva, L.V. (2004). *Tsennosti izmenyayuschego-sya mira: ekzistentsialnaya aksiologiya istorii* [Value of a changing world: existential axiology history]. Astrakhan: Astrakhan State University Publ., 279 p.

Berdyayev, N.A. (1990). *Smysl istorii* [Sense of history]. Moscow: Mysl Publ., 175 p.

Dreyfus, H. (1991). *Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time, Division I*. Cambridge: MIT Press, 384 p.

Husserl, A. (2005). *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya buduschego Publ., 465 p.

Husserl, A. (2000). *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk I transsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak stroгая nauka* [Logical studies. Cartesian reflections. Crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a strict science]. Minsk, Moscow: Kharvest Publ., 752 p.

Kagan, M.S. (1997). *Philosophskaya teoriya tsennostey* [Philosophical theory of values]. St. Petersburg: Petropolis, 205 p.

Panasenko, Yu.A. and Elagina, V.S. (2015). *Tsennostnyy mir ofitsera v usloviyah transformatsii obschestva* [The value world of the officer under the conditions of the transformation of the society]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], No. 1. Available at: <https://science-education.ru/pdf/2015/1/1688.pdf> (accessed 16.03.2017).

Searle J. (1983). *Intentionality: An Essay on the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 292 p.

Searle J. (1980). *The Background of Meaning // Speech of Act of Theory and Pragmatics*. Dordrecht, Boston, London: D. Reidel Publishing Company, pp. 221–232.

Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. London: Allen Lane Press, 256 p.

Smirnova, N.M. (2009). *Sotsialnaya fenome-*

nologiya v izuchenii sovremennogo obshchestva [Social Phenomenology in the Study of Modern Society].

Moscow: Kanon+ Publ.: Reabilitatsiya Publ., 400 p.

Stepin, V.S. (1992). *Filosofskaya antropologiya i filozofiya nauki* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Science]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 191 p.

Wittgenstein, L. (1994). *Filosovskie issledovaniya v knige* [Philosophical Studies]. *Filosovskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnosis Publ., pp. 74–319.

Wittgenstein L. (1980). *Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. 1*, ed. by G.E.M. Anscombe

and G.H. von Wright. Chicago: University of Chicago Press, 97 p.

Yadov, V.A. (1994). *Sotsialnye identifikatsii lichnosti v usloviyakh bystrykh sotsialnykh peremen*. [Social identifications of personality under the conditions for rapid social changes]. *Sotsialnaya identifikatsiya lichnosti. Kn. 2* [Social identification of personality. Book 2]. Moscow: Institute of Sociology RAS Publ., pp. 264–287.

Received 29.09.2018

Об авторе

Панасенко Юрий Александрович

кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель начальника филиала по учебной
и научной работе

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Челябинске,

454015, Челябинск, Городок 11-й, 1;

e-mail: panasenko-ep@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4539>

About the author

Yuriy A. Panasenko

Ph.D. in Pedagogical Sciences, Docent,
Deputy Head in Training and Science

Branch of Military Training Scientific Center of Military Air Forces «Military Air Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» in Chelyabinsk,

1, Gorodok-11, Chelyabinsk, 454015, Russia;

e-mail: panasenko-ep@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4539>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Панасенко Ю.А. Феноменологическое конструирование интересубъективного жизненного мира воинской службы в контексте концепции фоновых практик // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 4. С. 532–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-532-540

For citation:

Panasenko Yu.A. Phenomenological designing of intersubjective lifeworld of military service in the context of background practices // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 4. P. 532–540. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-4-532-540